

## ЕКАТЕРИНА II: ФРАНКОФИЛ ИЛИ ФРАНКОФОБ?

*Работа представлена кафедрой истории Военного университета.  
Научный консультант – доктор исторических наук А. М. Ястремский*

**В статье рассматривается отношение Екатерины II к Франции. Она стремилась приобрести место покровительницы европейского просвещения, но кроме этих политических целей у Екатерины были и другие: она была дочь своего века; чуткая к высшим интересам человека, она страстно следила за умственным движением столетия и, став самовластной государыней, хотела применить его результаты к устройству народной жизни в России.**

**The attitude of Catherine the Great to France is considered in the article. She tended to get a place of a patroness of the European education, but Catherine the Great had also other ambitions except these political ones: she was the daughter of the century; being sensitive to the highest interests of a person, she passionately kept up with intellectual movement of the century and, having become an absolute monarchess, she wanted to apply its results to the national life in Russia.**

В исторической литературе существуют диаметрально противоположные оценки личного отношения Екатерины II к Франции. Константин Грюнвальд, русский историк, живший во Франции, был убежден, что императрица «не любила ни Франции, ни ее политики», несмотря на увлечение идеями французских просветителей. Французский историк Альфред Рамбо, напротив, полагал, что Екатерина была убежденным франкофилом. Есть и еще один взгляд, представляющийся более верным. Он высказан историком французской дипломатии Пьером Рэнном, отделявшим неприятие Екатериной II враждебной России политики Людовика XV от ее глубокой привязанности к французской культуре. «С 15 лет, – отмечал профессор П. Рэнн, – она живет в России, овладела ее языком, восприняла православие, но духовной пищей ей служит французская литература... Целиком воспитанная на французской культуре, корреспондентка Вольтера, а позднее Гримма и Дидро, Екатерина не доверяет Франции, и это чувство взаимно»<sup>1</sup>.

Говоря о формировании взглядов императрицы, необходимо вспомнить, что в

эпоху Просвещения вся Европа жила по нравственно-интеллектуальным стандартам, определявшимся на берегах Сены. Крошечное германское княжество Ангальт-Цербст, подарившее России Екатерину Великую, не было исключением. Переселившись в Россию, где из-за скверных отношений с мужем она скоро оказалась предоставлена самой себе, Екатерина усиленно занималась самообразованием. Одиночество располагает к чтению, и великая княгиня проглатывала один за другим французские романы, после которых настал черед Монтескье и Вольтера. Из древних авторов она отдавала предпочтение Тациту. И все же Монтескье, пока она не познакомилась с Вольтером, был ее любимым писателем. Екатерина была во власти его идей о разумном государственном устройстве и, взойдя на престол, попыталась осуществить эти идеи на неблагоприятной для них русской почве.

Начав в 1765 г. составление «Наказа» для Уложенной комиссии, императрица писала знаменитому философу-просветителю Ж.Л. д'Аламберу: «Вы увидите, как в нем для пользы моего государства я огра-

била президента Монтескье, не называя его: но надеюсь, что если он с того света увидит мою работу, то простит мне этот плагиат во имя блага двадцати миллионов людей, которое должно от этого произойти. Он слишком любил человечество, чтобы обидеться на меня. Его книга для меня молитвенник»<sup>2</sup>. Речь в письме шла о «Духе законов» Монтескье, которым зачитывалась в то время вся образованная Европа. Впрочем, под влиянием ближайшего окружения, оказавшегося куда более консервативным, чем сама императрица, Екатерина вынуждена была отказаться от реализации либерально-конституционных идей Монтескье в России.

Следующим, наиболее серьезным увлечением Екатерины стал Вольтер, «ученицей» которого она себя называла. Впоследствии самодержавная правительница России искренне оплакивала смерть французского философа-безбожника, скончавшегося в мае 1778 г. «Дайте мне сто полных экземпляров произведений моего учителя, – писала Екатерина летом 1778 г. Мельхиору Гримму, – чтобы я могла их разместить повсюду. Хочу, чтобы они служили образцом, чтобы их изучали, чтобы выучивали наизусть, чтобы души питались ими; это образует граждан, гениев, героев и авторов; это разовьет сто тысяч талантов, которые без того потеряются во мраке невежества»<sup>3</sup>. А 1 октября 1778 г. в письме Гримму она отмечала: «Именно он, вернее его труды сформировали мой разум и мои убеждения. Я вам уже говорила не раз, что, будучи моложе, я желала ему нравиться»<sup>4</sup>. Благодарную память о своем наставнике Екатерина сохранила до конца жизни. «Она видела в нем учителя, верховного руководителя ее совести и мысли, – заметил один из биографов императрицы. – Он учит ее, не запугивая ее, согласуя мысли, которые он ей внушает, с ее страстями... Монтескье – великий ученый, опирающийся на общие тезисы. Если его слушать, надо бы начать все с начала и все изменить. Вольтер – ге-

ниальный эмпирик. Он перебирает поочередно все раны на человеческом теле и берется их излечить. Тут смазать бальзамом, тут прижечь – и больной совершенно здоров. И какая ясность языка, мысли, сколько ума! Екатерина восхищена, как и большинство ее современников...»<sup>5</sup>.

Здравый смысл, соединенный, что бывает редко, с богатым воображением, позволил Екатерине II быстро понять все значение дружбы или, по крайней мере, переписки, о которой бы все знали, с тем человеком, к чьему мнению прислушивалась вся просвещенная Европа. Вольтер, а также другие европейские знаменитости – Ж. А. д'Аламбер, Д. Дидро, М. Гримм – своим авторитетом должны были укрепить ее положение в глазах легитимных монархов и общественного мнения. А она так нуждалась в этом после осуществленного ею переворота и убийства Петра III! Екатерина рассчитывала, и она не ошиблась, что Вольтер прославит ее и ее царствование. Подчеркнутое внимание, лесть и деньги – вот то оружие, перед которым бывают бессильны даже мудрейшие. Екатерина умело пользовалась этим оружием, очень быстро приобретя надежных и влиятельных союзников в лице французских интеллектуалов, единственным исключением среди которых оказался чуждый какому-либо кокетству Жан Жак Руссо.

Первым из русских историков, кто разгадал и понял побудительные мотивы поведения Екатерины II в отношении Вольтера и других европейских просветителей, был, наверное, С. М. Соловьев, который писал: «Екатерина давно уже сознавала важное значение, приобретенное литературой, то руководительное значение, какое получили литературные вожди и патриарх их Вольтер. Теперь она вступила на престол при таких обстоятельствах, которые заставляли ее внутри и вне искать союзников, приверженцев, оправдателей, хвалителей. Понятно, что, обращаясь на Запад, желая там внушить уважение к себе, доверие к

своей силе и прочности своего престола, она не могла не остановиться на Вольтере...

Вольтер, не имевший ни малейших побуждений сожалеть о Петре III, в письмах Шувалову выражал свое удовольствие относительно перемены 28 июня 1762 г., называя Екатерину Семирамидой. Сначала Екатерина и Вольтер обменивались комплиментами, а потом, неизвестно с точностью когда, начинается между ними и непосредственная переписка... Екатерина приобрела в патриархе философов самого ревностного приверженца, готового защищать ее против всех, против турок и поляков, готового указывать ей самые блестящие цели: едва ли Вольтер не первым стал толковать о том, что Екатерина должна взять Константинополь, освободить его и воссоздать отечество Софокла и Алквивиада, так что Екатерина должна была сдерживать его слишком разыгравшуюся фантазию.

Но кроме желания приобрести таких сильных союзников, кроме желания приобрести высокое место покровительницы европейского просвещения, кроме этих собственно политических целей у Екатерины были и другие побуждения, заставлявшие ее сблизиться с самыми видными из философов. Она была дочь своего века; чуткая в сильной степени к высшим интересам человека, она страстно следила за умственным движением столетия, и, не сочувствуя здесь всему, преклонялась, однако, вообще пред движением, и, ставши самовластной государыней, хотела применить его результаты к устройству народной жизни»<sup>6</sup>.

Многие решения Екатерины II в области внутренней политики и администрации были подсказаны ей в той или иной степени французскими просветителями, и здесь русская императрица не была исключением: ведь на дворе стоял век Просвещения, и политическую моду определяли философы. Дружить с ними было почетно даже для коронованных особ. «Престиж Екатерины в Европе, – отмечал биограф императрицы, – был почти всецело осно-

ван на восхищении, которое она внушала Вольтеру; а этого восхищения она сумела добиться, и поддерживала его с необыкновенным искусством; при необходимости она даже платила Вольтеру за него. Но этот престиж ей не только помогал во внешней политике; он и внутри ее государства окружил ее имя таким блеском и обаянием, что дал ей возможность потребовать от своих подданных той гигантской работы, которая и создала истинное величие и славу ее царствования»<sup>7</sup>.

С самого начала своего правления Екатерина II обнаружила желание поддерживать постоянную переписку с французскими знаменитостями, которых она поочередно приглашала к себе в Россию. Французский поверенный в делах при русском дворе Беранже сообщал 13 августа 1762 г. шифрованной депешей в Версаль: «Я должен предупредить, что императрица приказала написать г-ну д'Аламберу приглашение обосноваться в России. Она готова выплачивать ему 10 тыс. рублей пенсии, что соответствует 50 тыс. ливров, дать ему возможность продолжать составление Энциклопедии и опубликовать ее в Петербурге. Взамен она просит лишь обучать математике великого князя Павла Петровича. Один из моих русских друзей, – продолжал Беранже, – уверяет меня, что г-н д'Аламбер ответил отказом и что аналогичное предложение сделано было г-ну Дидро»<sup>8</sup>. Действительно, Екатерина пригласила д'Аламбера на роль воспитателя своего сына, но философ вежливо отказался, сославшись на крайнюю занятость<sup>9</sup>. Отказ не привел к охлаждению отношений; напротив, он стал поводом к достаточно интенсивной переписке между Русской императрицей и французским просветителем. Не довольствуясь этим, Екатерина приказала своему представителю во Франции регулярно информировать ее о всех новых трудах и публикациях д'Аламбера.

Тесные контакты завязала Екатерина и с Дидро. Желая поддержать издателя Эн-

циклопедии и одновременно произвести впечатление, императрица купила у Дидро его библиотеку за очень высокую цену – 15 тыс. ливров, после чего оставила ее у него в пожизненное пользование и назначила философу еще 1 тыс. франков жалованья как хранителю ее книг. Вольтер в очередной раз пришел в восторг от щедрости и благородства «Семирамиды»: «Кто бы мог вообразить 50 лет тому назад, что придет время, когда скифы будут так благородно вознаграждать в Париже добродетель, знание, философию, с которыми так недостойно поступают у нас»<sup>10</sup>. Кстати, после смерти патриарха философов в 1778 г. Екатерина II приобрела и его библиотеку, которая с тех пор находится в Санкт-Петербурге.

Д'Аламбер рекомендовал Екатерине II еще одного известного корреспондента для переписки – уже упоминавшегося Мельхиора Гримма, популярного в Европе писателя. Следуя существовавшим тогда обычаям и своему неизменному правилу высоко оценивать мудрость и знания, Екатерина II положила Гримму жалованье в 1200 руб. в год и 100 руб. единовременно «в награждение»<sup>11</sup>. Первое письмо Гримма к императрице князь Д.А. Голицын переслал в Петербург 26 января 1764 г.<sup>12</sup> С того времени и завязалась между ними интенсивная переписка по широкому кругу вопросов политической и литературной жизни<sup>13</sup>. Неудача с приглашением в Россию д'Аламбера не обескуражила Екатерину. Ей удалось заполучить Дидро – он гостил в Петербурге в 1773–1774 гг. и редактировал здесь «планы и уставы» воспитательных учреждений. По просьбе императрицы Дидро занимался также составлением проекта организации в России народного образования. Заодно он осторожно пытался показать Екатерине опасность союза с королем Пруссии и склонить ее к сближению с Францией, в чем, правда, не преуспел. Зато ему удалось спасти более 20 французских офицеров-волонтеров, сражавшихся в ря-

дах польских конфедератов против русских войск и оказавшихся в плену. Императрица милостиво снизошла к просьбе своего друга-философа и отпустила пленных французов на родину<sup>14</sup>. «Ах, друзья, что за государыня, что за необыкновенная женщина: это душа Брута в образе Клеопатры!» – восторженно писал Дидро по возвращении из России<sup>15</sup>.

Дважды, – в 1773–1774 и 1776–1777 гг., – гостил в Петербурге Гримм, до конца жизни Екатерины II остававшийся ее верным приверженцем и исполнителем ее поручений. Гостями императрицы в разные годы были Сенак де Мельян – переводчик Тацита и автор сочинений по истории Франции, изъявивший желание написать историю России в XVIII в. (его сын поступил на русскую службу), Бернарден де Сен-Пьер, известный писатель, принц де Линь – сын знаменитого Бюффона. Сам Бюффон, известный французский естествоиспытатель, наряду с Дидро и Гриммом был избран иностранным членом Петербургской академии наук.

В 1770-е годы Екатерина заинтересовалась экономической литературой и прочитала сочинения Н. Бодо, А. Р. Ж. Тюрго, Ж. Казо, Ж. Неккера, Ф. Галиани. Она была знакома с проектами Ш.-А. де Калона и живо следила за происходившими во Франции спорами о свободной торговле хлебом. В этих спорах принимал участие ее учитель – Вольтер. В 1776 г. во Франции увидел свет трактат Ж. А. де Кондорсе, в котором развивались принципы свободной торговли хлебом, тогда же его автор был избран почетным членом Петербургской академии наук. Одной из важнейших обязанностей русских дипломатов в Париже было обеспечение императрицы книжными новинками, причем исключительно серьезного содержания.

Тема «Екатерина II и французские просветители» столь обширна, что составляет предмет самостоятельного обобщающего исследования<sup>16</sup>. Здесь же важно отметить

два обстоятельства. Интерес самодержавной правительницы России к французскому Просвещению и его виднейшим представителям был вызван, во-первых, не только личными, но и государственными соображениями: протягивая руку дружбы тогдашним властителям дум европейского общества, используя лесть и подкуп, императрица рассчитывала на их поддержку в реализации своих политических замыслов, и она не ошиблась в своих ожиданиях: Вольтер, д'Аламбер, Дидро и Гримм верно служили ее интересам, оправдывая в глазах общественного мнения Европы действия северной Семирамиды, в том числе даже расправу с незащитной Польшей. Во-вторых, безусловная принадлежность Екатерины II к французской, в частности и политической, культуре никоим образом не сказывалась на ее резко негативном отношении к политике Франции в Европе. Не жаловала она и самого Христианнейшего короля Людовика XV. «Она презирала Людовика XV и почти не скрывала этого», – отмечал П. Рэн<sup>17</sup>.

Неприязнь Екатерины II к Людовику XV объяснялась, прежде всего, последовательно враждебной политикой короля Франции по отношению к России. На протяжении десятилетий французская дипломатия вела упорную борьбу против России, действуя через своих давних и надежных союзников – Швецию, Польшу и Турцию. Уже в царствование Екатерины II дипломатия герцога Шуазеля, министра иностранных дел Людовика XV, спровоцировала нападение Порты на Россию в самое неблагоприятное для Петербурга время (1768 г.), когда императрица была поглощена польскими делами. В разгар Русско-турецкой войны, в которой на стороне Порты принимали участие французские волонтеры и военные советники, в том числе в генеральских и полковничьих чинах, версальская дипломатия помогла королю Швеции Густаву III осуществить в августе 1772 г. государственный переворот, имев-

ший антирусскую направленность. А когда в самой России разгорелось пламя пугачевского бунта, та же французская дипломатия заняла весьма двусмысленную позицию в отношении Лжепетра III. У Екатерины была информация о якобы имевших место попытках установления контактов между французами и Пугачевым, а также об участии нескольких французских офицеров в боевых действиях на стороне мятежников<sup>18</sup>. Одним словом, ученица Вольтера с берегов Невы имела все основания быть недовольной политикой и поведением Людовика XV.

Но у нее были и сугубо личные мотивы неприязненно относиться к французскому «кузену». Екатерина не могла забыть, как в июне 1762 г., накануне решающей схватки за престол, она конфиденциально обратилась за финансовой помощью к барону Бретейлю, французскому посланнику в Петербурге, и натолкнулась на вежливый отказ. Екатерина связала его не столько с личной позицией Бретейля, сколько с последовательно антироссийской политикой короля Франции. Ее недоверие к Людовику XV возросло после того, как он отказался признать за ней императорский титул.

Екатерина никогда не могла понять привязанности к нему со стороны Елизаветы Петровны, к тому же страдавшей от отсутствия ответного чувства<sup>37</sup>. Сама не склонная к пуританству, вечно окруженная сменяющимися один другого фаворитами, Екатерина никогда не смешивала любовь и политику, как это делал Людовик XV, и не поступалась даже толикой доставшейся ей самодержавной власти; она была единовластной хозяйкой в своей огромной империи. Трудно сказать, знала ли императрица о той тайной игре, которую вел Людовик XV за спиной своих министров, менявшихся по капризам королевских метресс. Но она чувствовала его слабость, двоедушие, отсутствие в нем воли и направляющего начала, необходимых, по ее убеждению, абсолютному (самодержавному) монарху.

## ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

---

И политически и психологически Екатерина II и Людовик XV были антиподами и уже по этой причине не могли не только симпатизировать друг другу, но даже най-

ти элементарное взаимопонимание, что пагубно сказывалось на и без того сложных официальных отношениях между Россией и Францией<sup>19</sup>.

### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Цит. по: *Черкасов П. П.* Екатерина II и Людовик XV. Русско-французские отношения, 1774–1792. М.: Наука, 2004. С. 22.

<sup>2</sup> Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 1-148. СПб., 1867–1916. Т. 10. С. 31. (Далее: Сб. РИО).

<sup>3</sup> Цит. по: *Бочкарев В.* Екатерина и Франция. Б.м., 1912. С. 28.

<sup>4</sup> Сб. РИО. Т. 23. С. 102.

<sup>5</sup> *Валишевский К.* Роман императрицы. М., 1990. С. 84.

<sup>6</sup> *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. М., 1994. Кн. 13. С. 467–468.

<sup>7</sup> *Валишевский К.* Указ. соч. С. 298.

<sup>8</sup> Цит. по: *Черкасов П. П.* Указ. соч. С. 25.

<sup>9</sup> Сб. РИО. Т. 7. С. 179.

<sup>10</sup> Цит. по: *Черкасов П. П.* Указ. соч. С. 26.

<sup>11</sup> Архив Внешней Политики Российской Империи. Ф. Сношения России с Францией. Оп. 93/6. Д. 211. Л. 20, 23.

<sup>12</sup> Там же. Д. 201. Л. 30 об.-31.

<sup>13</sup> Переписку Екатерины II с Гримом см.: Сб. РИО. Т. 23, 33, 44.

<sup>14</sup> См.: *Черкасов П. П.* Двуглавый орел и Королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII в., 1700–1775. М., 1995. С. 347.

<sup>15</sup> Цит. по: *Иконников В. С.* Значение царствования Екатерины II. Киев, 1897. С. 57.

<sup>16</sup> *Карп С. Я.* Французские просветители и Россия: Исследования и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII в. М., 1998.

<sup>17</sup> Цит. по: *Черкасов П. П.* Екатерина II и Людовик XV. Указ. соч. С. 29.

<sup>18</sup> *Черкасов П. П.* Людовик XV и Емельян Пугачев: Французская дипломатия и восстание Пугачева. По документам дипломатических архивов Франции и России. М., 1998. Вып. 2. С. 21–46.

<sup>19</sup> Об отношении Екатерины II к Людовику XV подробно см.: *Черкасов П. П.* Двуглавый орел и Королевские лилии. С. 282–302.